

С КОНСТАНТИНОМ Александровичем Марджановым (Марджанишвили) я познакомился в 1926 году. Его супруга, урожденная Вачнадзе, была связана с нашей семьей родственными узами, и я часто бывал у них в доме.

Константин Александрович заинтересовался мной, зная, что, будучи в Париже в студенческие годы, я подвизался в кинематографии в качестве статиста и технического помощника режиссера.

Там в то время в компании «Сине-Франс» снимались знаковые нам по немому кино актеры Мозжухин и Кованько. Моя же супруга — француженка работала в авангардистском театре «Ателье», где костюмы постановок, как писались в афишах, готовились под руководством мадам Гедевани. В том же театре одним из постановщиков был наш соотечественник режиссер В. Кушиташвили.

Константин Александрович был человеком поразительно обаяния. Я редко встречал человека, который бы так очаровывал своей теплотой, отзывчивостью, дружелюбием. Его необыкновенный темперамент и неуемный энтузиазм в искусстве, которому он с таким самозабвением служил, покоряли всех. Он просто гипнотизировал щедростью, страстью своей души, размахом, бьющей через край фантазией и необычайной жизнерадостностью.

В 1926 году К. А. Марджанишвили работал в Госкинопроме Грузии над постановкой фильма «Амоки». Он предложил мне стажироваться у него в качестве практиканта режиссера, и я, конечно, с во-

сторгом согласился. С тех пор я окончательно связал свою жизнь с кинематографом.

На фильмах К. А. Марджанишвили «Амоки», «Гог Ратиани», «Овод», «Трубка коммунара» я считался практикантом режиссера, но одновременно участвовал и в эпизодах в качестве актера. В фильме «Гог Ратиани» изображал прохожего, в «Амоке» — курильщика опиума, в «Оводе»

зительными черными глазами, — да еще завитый гримерами, очень походил на итальянского юношу.

При выходе из проекционного зала Константин Александрович ласково взял меня за плечи и сказал:

— Не знаю, почему, но мне особенно хотелось, чтобы вы сыграли эту роль. Именно таким, как вы, представлял я себе Овода.

К ЮБИЛЕЮ К. А. МАРДЖАНИШВИЛИ

МОИ ВСТРЕЧИ С РЕЖИССЕРОМ

— доктора Рикерди, в «Трубке коммунара» — французского офицера.

Помню, во время многочисленных кинопроб на главную роль в «Оводе» сняли и меня, на чем настаивал Константин Александрович. В конце концов осталось только два претендента, две кандидатуры: Мерабишвили и я. Как практикант режиссера я, конечно, присутствовал на всех отборочных просмотрах и, увидев себя на экране, не мог удержаться от смеха, видимо, от того, что неожиданно открыл в себе такие черты, которых и представить не мог.

— Чего вы смеетесь? — спросил меня Константин Александрович.

— Как чего? Смотрите, как я нелепо хожу, карикатура, да и только. На кого я похож?

Все присутствующие поддерживали кандидатуру Мерабишвили, который по внешним данным — своими выра-

— Мне всегда так везло, Константин Александрович! — отшутился я. — И в Париже, когда я явился к режиссеру Протазанову с рекомендацией Жоржа Саяра, одного из ведущих актеров театра «Одеон», Яков Александрович воскликнул:

— Где же вы были до сих пор? Сколько я искал вот именно такого юношу, почти мальчюка!

— Ничего, ничего! — ответил Константин Александрович. — Тропа искусства покрыта терниями, но все же она прекрасна, — и, взяв меня под руку, проникновенно сказал:

— Поверьте, мне очень досадно, что не сбылись мои предвидения, но я вас по-настоящему ценю и уважаю.

И вдруг весело и неожиданно:

— А вы не находите, что наши биографические судьбы очень схожи?

Я удивленно взглянул на него.

— Ведь и я начинал свою актерскую карьеру женской ролью, изображая Агафью Тихоновну в гоголевской «Женитьбе», как и вы, друг мой, изображали тетушку в одной из постановок в гимназические годы, так что и ваш путь в искусстве, очевидно, будет таким же, как и мой.

Я искренне удивился, отку-

гой приехать к нему работать в театр. Мы, конечно, с восторгом приняли его любезное приглашение. Но нашим надеждам не суждено было сбыться. Через некоторое время я получил от него письмо, растрогавшее меня неподдельной грустью, которой оно было проникнуто.

Вот оно:

«Кутаиси, 10/VIII-28 г.

Дорогой Шалава!

Как мне ни больно, как ни обидно — с грустью приходится писать Вам, что не удастся мои замыслы и взять Вас с супругой на работу на могу.

Все больше и больше теснят меня в бюджете, и теперь не только сцену, но в счет моей сметы ремонтируют даже электрочасть.

Вы хорошо узнали меня за это время и поймете, как мне досадно отказаться от задуманных планов.

Крепко жму Вашу руку, прошу простить меня и извинить меня перед супругой Любящий Вас

К. Марджанов».

В последующие годы, когда Константин Александрович взялся за постановки в Москве, он также предлагал мне, как он выражался, во исполнение его вины, поехать с ним в Москву, но я уже тогда был крепко связан с кинематографом и не смог, к сожалению, воспользоваться его столь ценным для меня приглашением.

В моей памяти навсегда остался этот буйный гигант, неуязвимый торец, чудесный человек.

Ш. ГЕДЕВАНИШВИЛИ,
режиссер.